

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Экран и книга (присл. Сов. культуры) - 1990. 13 дек. 1990. с. 4

Название это — не мое. Его когда-то придумал Варлам Шаламов для одного из своих лучших колымских рассказов (впрочем, кто вправе судить, какие из них лучшие, а какие — худшие?) — о зэке Мерзлякове, прикинувшемся больным, чтобы не подохнуть от непосильной работы, и о том, как его этой самой шоковой терапией «лечили». И вылечили-таки! Лечит и творчество Шаламова, хотя, конечно, совсем по-другому. И шок, и терапия сбалансированы в нем так идеально, как могла сделать только жизнь, диктовавшая тексты этому великому летописцу ГУЛАГа.

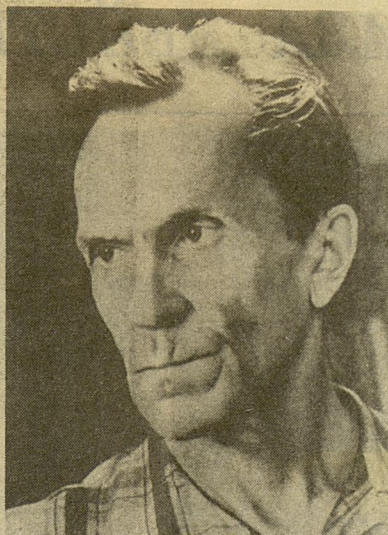
КАК ПЕРЕДАТЬ то ощущение, уловить ту невидимую грань, когда малознакомый человек, какая-то книга, мелодия, кинофильм или даже коротенькое стихотворение вдруг перестают быть для тебя посторонними и становятся чем-то личным, родным, без чего твоя жизнь непонятно как и обходилась прежде? Герой романа Юрия Трифонова «Время и место» писал роман о писателе, тоже пишущем роман о писателе, который, в свою очередь, тоже писал роман о писателе, но и тот...

Я вспомнил об этом причудливом, «матрешечном» сюжете, когда смотрел документальный фильм «Несколько моих жизней» («Союзтелефильм»). Сначала был писатель Варлам Шаламов, писавший о нашей и своей жизни, даже вот о нескольких. Потом была Ирина Павловна Сиротинская, бережно сохранившая и опубликовавшая почти все написанное Шаламовым. Потом они вместе с кинодраматургом Александрой Свиридовой написали сценарий. А уж после этого случился еще один интересный сюжет.

Дело в том, что начинал снимать фильм молодой режиссер А. Ерасов, трактовка которого сразу же не совпала с тем, как виделась поистине эпическая судьба Шаламова Свиридовой и Сиротинской. Образно говоря, вариант «по Ерасову» предполагал куда больше шока, чем терапии. Не претендуя, разумеется, на обязательность своего мнения, все же скажу: за этим шоком, заполонившим наши теле- и киноэкраны, ушли на второй план, потерялись человеческие судьбы. И не в том даже беда, что радостные хороводы на могилах палачей могут вызвать обратную реакцию, а в том, что кошмарные похождения сталинских бери по большому счету не так уж важны для нас — куда важнее и общая судьба истерзанной ими страны-великомученицы, и судьбы их конкретных, так сказать, рядовых жертв.

В результате фильм завершала, точнее говоря — переделала наново А. Свиридова. И получился спокойный, намеренно лишенный каких-либо эмоций рассказ о жизни Шаламова и как бы от имени его самого, своего рода автобиография, в которой подлинные тексты героя фильма очень точно и органично дополнены стежками-связками, сочиненными Свиридовой и Сиротинской. Особо следует сказать о Петре Щербакове, ровный, уверенный голос которого великолепно, удивительно точно «сыграл» Шаламова. Кстати, о точности: прекрасно знавшая Шаламова И. Сиротинская долго не могла свыкнуться с голосом автора, совсем не похожим на «оригинал», но в какой-то момент тоже ощутила не буквальную, а более важную, сущностную точность попадания.

Удивительно: в фильме, кажется, почти ничего нет, кроме голоса Щербакова и современной природы. Ну есть немного хроники: старая Москва промелькнула, Луначарский, Горький, Троцкий, еще кто-то... Запомнилась фотокарточка отца Шаламова... Вроде бы и все. И вот из этих трех элементов — голоса Щербакова, природы и незаметной, но подразумевающейся, тончайшей лепки Свиридовой — воз-



ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ О ВАРЛАМЕ ШАЛАМОВЕ

никает уходящая, проваливающаяся в какие-то неведомые дали то ли мозаика, то ли панорама.

В основе всего этого, конечно, сам Шаламов, который когда-то «вышел в свет дорогой Фета, и ветер Фета в спину дул». Я понимаю, что часовой фильм не мог вместить и малой части его творчества, но уже через день-другой после того, как я посмотрел «Несколько моих жизней», стало казаться, что туда каким-то непонятным образом втиснуты едва ли не все рассказы и стихи Шаламова. И разве не Свиридовой и другим создателям картины сказал он когда-то: «Дошепчи, доскажи, мой товарищ, // Допиши, что хотел, до конца // Черным углем таежных пожарниц // При лучине любого света?»

Было в жизни Шаламова и то, что в контексте чьей-нибудь другой судь-

бы можно было бы назвать слабостью. Но вот про него как-то не выговаривается. Впрочем, все по порядку: когда «Колымские рассказы» были опубликованы за рубежом, от автора, как водится, немедленно потребовали отречься, отмежеваться и заклеить. Не знаю, сколь мощным и долгим было это давление, но 23 февраля 1973 года в «Литературке» появилось письмо Шаламова с некой формой «отмежевания». И вскоре после этого писатель, который, по замыслу инквизиторов, должен чувствовать себя униженным и раздавленным, пишет короткую «Славянскую клятву». В спокойном голосе Щербакова, читающего это стихотворение, пожалуй, единственный раз за весь фильм слышатся раскаты грома. Передать это ощущение словами сложно, и мне остается привести здесь эту короткую «Клятву», тем более что она пока нигде не публиковалась: «Это, мол, уж слишком...». Но все «слишком» в нашей жизни давно уже испытаны и пережиты. Итак:

Клянусь до самой смерти мстить
этим подлым сукам,
Чью гнусную науку я до конца постиг,
Я вражескою кровью свои омою руки.
Когда настанет этот благословенный миг.
Публично, по-славянски, из черепа напысь я,
Из вражеского черепа, как делал Святослав.
Устроить эту тризну в былом славянском вкусе
Дороже всех загробных любых посмертных слав.
Пусть знает это Диксон и слышит Антарктида,
В крови еще клокочет мой юношеский пыл,—
Что я еще способен все выместить обиды
И ни одной обиды еще я не забыл.

Вряд ли, конечно, Шаламов стал бы пить из чьего-то черепа, так же как и Пушкин, неосторожно обмолвившийся в молодости о желании увидеть «смерть детей» (неважно, чьих), да еще с «жесточкой радостью», вряд ли стал бы кого-то убивать, разве что Дантеса. Но и просто образом такие слова не назовешь. Могушая сила ненависти ко злу и сила веры в торжество добра, присутствующие в каждой строчке написанного Шаламовым, здесь сконцентрировались в ослепительный луч. Сила и вера Шаламова, других наших великомучеников передались людям, сделавшим этот внешне бесхитростный и неброский фильм.

Сергей БУРИН.